

Елена Мевченко

Волшебство осыпается в срок
С обреченностью листьев осенних.
Ветерок по лицу, холодок
Да сиротские шаткие тени.

Волшебство облетает шутя
По законам земной круговерти,
По дорогам пустым шелестя
На пути от рождения к смерти.

Те же липы взалет, тот же дом,
Та же я – не добрей и не хуже,
Но не греют былым волшебством
Ни улыбка, ни праздничный ужин,

Ни бесхитростный нежный уют
Двух ладошек, испачканных в тесте,
Ни лиловый небесный лоскут,
Из окошка увиденный вместе.

Но не жди – я нескоро смирюсь
И дары не растрочу впустую,
Я на взлете еще ухвачусь
За спящую нить золотую.

Об истинной причине умолчу –
Не потому, что плакаться досадно,
А потому, что дорого плачу
За этот день медово-листопадный.

Повременю подсчитывать урон,
Пока кораблик не покинул порта
И смоляные крылышки ворон
Щеголевато кружатся на желтом.

Качнется жизнь и повернется вспять,
Я снова эльф, игрушка светотени.
Забывтый дар, – не спрашивая, знать
Пусть и тебе сегодня не изменит.

Поговорим под листьев перезвон
О том, как луч крадется за рукою,
Как запоздалый тучный махаон
Был приручен нечаянно тобою,

Как расшалилось время поутру
И понеслось вприпрыжку без дороги,
Как растерялись мысли на ветру,
А башмаки застыли на пороге...

Ну вот и ладно, встретились, дружок,
Вот пальтеца лицо, а вот изнанка.
Свой огрубевший ивовый свисток
Нарочно позабуду на полянке.

Налегке, наконец, налегке –
Ни котомок, ни мыслей, ни дел –
Я иду, зажимая в руке
Торопливо крошечный мел

Развеселой январской пурги.
Мне сегодня пурга нипочем –
Мне на время простили долги.
Ты о чем это? Так, ни о чем.

Нынче шаг бесшабашный в цене,
Нынче время небесных ветров,
Ах, как весело дышится мне
Посреди ледяных светляков!

Все красивей и круче разбег
Через белую-белую новь,
Пусть случится невиданный снег,
Как случается жизнь и любовь.

Я, как снег, без руля и ветрил,
Ничего, кроме снега в руке,
И ступеньки наверх без перил,
И шаги – налегке, налегке...

Нахальные шаги дворовых голубей
Грохочут тяжело по жести законной.
Сегодня я не жду ни писем, ни гостей,
На утреннем столе – айва и чай лимонный.

Я время пригублю, ни капли не пролив,
И мысли приведу в особенный порядок,
Порадуюсь тому, что этот день красив,
Как ломтики айвы, и так же кисло-сладок.

А сумерки придут – я лампы не зажгу,
Присяду у окна и медленно растаю,
А где-то в синеве, на дальнем берегу
Совсем другие дни, которых я не знаю.

Бонн осенью

В Бонне ратуша похожа на розовый кремовый торт.
Я – прохожий, хожу, разглядываю башни и форт.
Мне до всего есть дело – до римских надгробий и вазы этрусской,
Музыкант на площади играет самозабвенно, значит – русский.
Боннские бонзы теперь в Берлине, холмы овально-сусальны,
А город вздохнул и разом сделался нежно-провинциальным,
И ясно одно: молодое вино горчит и пенится яро,
А монетка летит и кружит, и садится в пыльцу футляра.
Рейн до смерти устал соответствовать мифу,
Он тих, он стар, не ощерится рифом,
Никого не страшит вид прибрежных развалин,
Рейн нынче беззуб и хил, и старчески сентиментален.
Кампус, лужайка, лежу и смотрю, руки раскинув,
Как тяжело и низко плывут рыхлые спины,
Пивные тучные животы и вялые плечи,
Ах, облака, от одышки пока флейта не лечит.
Бонн осенью похож на светящуюся шкатулку с позолотой
И ярким переливчатым шелком ручной работы,
С манерными клумбами фарфоровых вилл,
Он так банально, миндально мил,
Что хочется плакать и слушать анданте
У ног нездешнего музыканта.

Я готова быть псиной в кособоком пакете
С оттопыренным ухом из черного плюша,
Непутевый хозяин понесет меня детям,
По дороге уронит, отряхнет и обсушит.

И забудет о детях, загуляет, закружит
Паутинкой проулков бесприютной Казани,
А у старого Фукса распрямится натужно
И внезапно обмякнет, погрустнеет, устанет.

Вот тогда-то я спрыгну на затекшие лапы,
Распахнув надоевший паланкин целлофана,
И туда затолкаю человека и шляпу,
И отправимся дальше по белесым туманам.

Он приклеится носом к целлофану пакета,
Чтобы лучше увидеть, что творится в округе,
И, качаясь, поедет по осеннему свету,
Где дороги пологи, как надбровные дуги.

Понесу его чинно, понесу мимо речки,
Мимо встреченной в небо Закабанной мечети,
Все заветные тропки, все глухие местечки
Обойдем в этот вечер, вездесущи, как дети.

А когда растворятся и деревья и трубы,
И намокшие звезды замигают во мраке,
Он очнется у дома, улыбаясь беззубо
Недоверчивым мыслям о чудесной собаке.

Во многих мудрости на грош
Веселья, на алтын – печали.
Мою же, милый, не умножь
Тяжелой каплей цинандали!

Ее всезнайство от греха,
От сока ягоды лобастой,
Что восхитительно глуха
До злых громов Экклезиаста.

Я без того твоих затей
Рука и жест, и жезл послушный,
Я праздной мудрости твоей
Живой сосуд и сад нескушный.

И прозревая невзначай,
Сгущаю цвет своей печали,
Перетекая через край
Последней каплей цинандали.

Весна – грязнуля, сводня, нимфоманка,
Для веского разини и бродяги
Рассыпала дешевую приманку –
Простушку мать-и-мачеху в овраге.

Она груба, вульгарна и бесчинна,
Ни за кого и ни за что в ответе,
Но к ней высоколобые мужчины
Уходят, как забывшиеся дети.

Гордясь взаимной нашей нелюбовью,
Я морщилась, браня ее повадку,
Брезгливо поводила тонкой бровью,
Не в силах не подглядывать украдкой.

Ну, а она махала липкой веткой,
Ночной нуги наевшись до отвала,
И на меня, тихоню и эстетку,
Беззлобно и неряшливо плевала.

Оглобельки очков, чумазое стекло –
Меж миром и собой смешное примиренье,
Шутейный костылек, прозрачное весло,
Суровый поводок распущенного зренья.

Когда глаза босы, когда хрусталик наг,
Цветные витражи плывут проулком старым,
Порхают лоскутки верленовских бродяг
И плаваются мазки Моне и Ренуара.

Раскосые дома, кочующий овраг,
Диковинный колор небесного наряда –
Я – маленький творец, что видит все не так,
Достраиваю мир своим незорким взглядом.

У матовых свечей двоятся язычки,
Кружатся мотыльки над чашечкой коленной,
На полочке лежат ненужные очки,
И ширятся зрачки неправильной вселенной.

